

ISSN 0131-8136

РАДУГА

6

1991

Зловещий образ захватчика, врага зовет к беспощадной борьбе:

«Он прорвался к Дону, зеленый мундир... Зеленый мундир бандита и убийцы покрылся свежими пятнами. Это — кровь наших донцов, наших женщин, детей, стариков. Огнем и мечом устрашают фашисты казаков... Но в придонских степях рождаются отряды партизан».

Но больше и лучше писалось, конечно же, о героизме друзей-однополчан. Одним из первых поведал М. Упеник читателям правду о шести комсомольцах, прикрывавших свое подразделение, не утрашившись немецкого нахальства и яростных «психических атак».

Листаю пожелтевшие страницы армейской многотиражки, которую в окопах, между боями читали те, кто был читателем и соавтором этих, пышущих огнем, газетных материалов.

Еще раз возвращаюсь к страницам первых дней августа 1942 года. Именно тогда, в начале жестоких сражений у стен славного города над великой русской рекой, на развернувшейся волжской земле дал украинский советский поэт М. Упеник клятву воину, павшему в бою. Его статья в газете «На защиту Родины» от 1 августа, эмоциональная, искренняя, глубоко выстраданная, берущая за душу, так и называлась — «Тебе, павшему в бою!». В ней автор писал:

«Кто ты был до войны: агроном или токарь, учитель, портной или повар — все равно... Но в бою ты был воин — отважный и верный, ты был смелый. Про тебя мы расскажем бойцам, заменившим тебя... Ты безмолвен, товарищ, но дышит это бранное поле, и выжжена боем трава, и твоя и друзей твоих кровь засыхает на горячем песке, на оружии черном твоём... Я запомнил тебя навсегда...»

Если где-нибудь встретить придется или мать, или брата, любимую, дочь или жену, — я им все расскажу о тебе, о твоей непокорной отваге, о друзьях боевых, о бессмертии славы твоей.

Отомстите за гибель героя — неизвестного парня с простою фамилией Жуков, отстоявшего пядь нашей русской, священной земли!»

Сурова военная жизнь. Но когда собираются на сталинградскую земле ее славные защитники, нередко из уст убежденных сединой ветеранов слышишь пронесенные через годы светлые, теплые воспоминания о коротких минутах боевого затишья, с веселой песней, задорной пляской, остроумной шуткой-прибауткой. И газетчики не скупились на это. Распевали солдаты и «Песенку о фронтовой подруге» М. Упеника. А в конце ноября 42-го армейская газета опубликовала стихи его песни «Вперед, в наступление, товарищ!» Ее маршевый припев звучал призывно:

Сквозь битвы и пламя пожарнич
Дорога на запад ведет.
Вперед, в наступление, товарищ,
За Родину, воин, — вперед!

Близился февраль 1943-го, принесший Сталинграду и его доблестным защитникам великую победу. Германское командование еще тешило себя надеждами. Острое сатирическое перо взял в руки М. Упеник:

Снова брешут неустанно
Мастера немецкой жи —
Мол, войска «согласно плана»
Сокращают рубежи.
Без портков и без мундира
Фрицы прут из Армавира —

Им привычно мазать пятки
В срочном «плановом порядке».

Галина КРУТОВА,
секретарь
Кировского РК КПСС
г. Волгограда

РЕРИХ И УКРАИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Когда-то великий мыслитель, выдающийся деятель мировой культуры Николай Константинович Рерих произнес прекрасные, знаменательные слова: «Пылайте сердцами и творите любовью». Этот возвышенный призыв можно считать как бы девизом всей жизни нашего прославленного соотечественника, столь щедро делившегося с людьми сокровищами своего духа.

Гений Рериха многогранен и неисчерпаем. Свыше семи тысяч картин-шедевров, философских откровений, многочисленные мудрые книги (если издать все им написанное, выйдет около тридцати томов) — только этого было бы достаточно для мировой известности. А ведь Рерих еще и крупный ученый, археолог, историк, знаменитый путешественник, общественный деятель, борец за мир. Имя его не требует никаких пояснений, произнесешь «Рерих» — и этим все уже сказано!

К сожалению, слишком долго это светлое имя оставалось у нас в тени. Как же: десятилетия он жил вдали от родины (хотя никогда не менял гражданства), забыли мы утверждал всем своим творчеством бессмертия духа, то, что он называл космической эволюцией человека. И для догматиков этого было достаточно, чтобы провозгласить Рериха «мистиком». Сам же он в «Листах дневника» писал: «Все туманное и расплывчатое не отвечает моей природе. Хочется определенности и света. Если мистицизм в людском понимании означает искание истины и постоянное познание, то я бы ничего не имел против такого определения».

Как же хорошо, что рериховское творческое наследие все больше становится нашим достоянием! Родилась ассоциация «Мир через культуру», развивающая рериховские идеи. Создан Советский фонд Рериха, в Москве должен открыться Центр-музей Рериха, для которого младший сын его Святослав Николаевич, живущий в Индии, передал значительную часть произведений отца, материалов из литературных архивов. Во многих республиках функционируют рериховские общества, объединения, клубы. И у нас, на Украине, общество имени Н. К. Рериха охватывает уже множество людей, которым дорог поиск истины, дороги ценности духа.

К Украине, к ее самобытной национальной культуре Николай Константинович питал особое чувство. А зародились они еще в юности. По инициативе отца, К. Ф. Рериха, известного русского юриста, прогрессивного общественного деятеля, в Петербурге было создано Общество имени Тараса Шевченко. С любовью

вспоминал о нем Николай Константинович в конце жизни в дневниковых записях:

«...целый круг украинцев и почитателей Украини и ее славного певца собирались у нас под председательством моего отца Константиана Федоровича.

Микешин, поглаживая стрелки усов, улыбался: «Вот этакое славное дело запрещают! Ну, да к вам, друже, не доберутся. Вы юрист — вы выведете на верный путь». Писали устав, сходились, беседовали о будущих выступлениях, предполагали издать «Кобзаря» с иллюстрациями, читать лекции о творчестве Т. Г.

...Мои связи с Украиной завязались давно. Гремела труппа Кропивницкого. Заньковецкая, Саксаганский — целая даровитая семья, и чопорный Питер восчувствовал: украинские песни восхищали точно бы новая находка. В Академии художеств всегда было много украинцев, и мы жили дружно».

Молодой Рерих с радостью принимал участие в ежегодных украинских вечерах памяти Тараса Шевченко, устраиваемых в Академии художеств, в постановке «живых картин» по «Кобзарю». В его дневнике есть воспоминание об этом: «Подходит сотрудник «Новостей», «Вы ведь уроженец Украины?» Говорю: «Нет, я питерец». — «Ну, я все-таки скажу, что вы украинец, — картины-то удачны: видно, любите Шевченко». Так я и оказался украинцем... Биографам — заморочка!»

Плененный талантом великого Кобзаря, высоким артистизмом труппы Кропивницкого, мелодичными украинскими песнями, Рерих мечтал о встрече с Украиной, о глубоком знакомстве с ее древней культурой, бытом. Славяне, Киевская Русь, Киев — эти темы волновали его и как художника, и как археолога, историка. Он стремился познать, творчески осмыслить наше легендарное прошлое, прикоснуться к пластам давней культуры, в глубинах которых сокрыто столько начал человеческих достижений. «Не знающий прошлого не может думать о будущем», — это завет Рериха.

Летом 1896 года его мечта сбылась — Николай Рерих совершил поездку по Украине. Встреча с Киевом оставила в его душе неизгладимое впечатление. Спустя многие годы он вспоминал: «Был яркий праздничный день, я пошел на базар. Тогда еще базар был истинно гоголевским сходбищем. Прекрасные плахты, мониста, шитые сорочки, ленты, ну и шаровары, «як синє море». Накупил плахт, всякой всячины, наслаждался звонкой, певучей речи и навсегда сохранил память о бандуристах».

Без устали бродил художник по Киеву, подолгу стоял над Днепром-Славутичем... И не тогда ли богатое воображение живописца и психолога рисовало перед его внутренним взором эскизы будущих картин «Поход Владимира на Корсунь (Красные паруса)», «Строят лады», «Славяне на Днепре»? Он очарован был киевскими храмами, настенными росписями Владимирского собора, Кирилловской церкви. После писал: «Где желать вершину красоты, как не в храме, высочайшем создании нашего духа?»

В публицистическом очерке «Матери городов», эпиграфом к которому поставлены слова: «Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего...», читаем:

«Нам почти невозможно представить себе величие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Сотни храмов блистали мозаикой и стенописью...

Поразительные тона эмалей; тонкость и изящество миниатюр; простор и спокойствие храмов; чуда метааллических изделий; обилие тканей... Мужья Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту; иначе все оставленное ими не было бы так прекрасно...

Верится, что в Киеве жили мудрые богатые, знавшие искусство».

А далее Николай Константинович приводит отрывок из древней летописи, первое, может быть, яркое известие о созидательстве, об искусстве:

«Заложи Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложи же и церковь святяя Софьи... И бе Ярослав любя церковныя уставы и книгам прилежа и почитая е часто в нощи и дне и списаша книги многы... сь же насяя книжными словесы сердца верны людии, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напаяюще вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина... Ярослав же се... любим бе книгам, многи наложи в церкви святяя Софьи, уже созда сам, украси ю златом и сребром и сосуды церковными. Радовашася Ярослав видя множество церкви».

И Н. К. Рерих заключает: «Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далек от вопля современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почуявшего памятник, ценный на многие века. Так было; такому искусству можно завидовать; можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно».

Интересно, что Рерих относил создание Киева к гораздо более раннему времени, чем принято было считать. Не свидетельствует ли о древности Киева, к примеру, приезд сюда, согласно преданию, святого апостола Андрея? Ссылаясь на археологические раскопки, Николай Константинович вообще считал, что еще в 16—17 веке до нашей эры на территории нынешнего Киева не леса росли, а существовал крупный культурный центр.

«Молодежь, — призывает он, — помни о прекрасных наследиях минувшего!..»

...Сколько замечательных путников прошло по нашим равнинам и какое великое будущее суждено! Пусть молодежь соединится всей силой тела и духа для великолепных истинных достижений!»

Именно после Киева задумал Рерих цикл исторических сюжетов, своеобразную живописную повесть в картинах под общим названием «Начало Руси. Славяне». Хотя еще за несколько лет до того раздумья о судьбах Киевской Руси, о междоусобицах княжеских побудили художника создать полотно «Святополк океанный». И позже не раз он возвращался к этой теме, изображая Бориса и Глеба, сыновей князя Владимира, убитых по приказу их коварного брата Святополка. На проникнутой глубоким психологизмом картине «Святые Борис и Глеб» два брата плывут вдоль днепровского берега в челне. Сложив молитвенно руки, они словно призывают единение, мир и счастье на родную землю. Ведь только единство и могло сохранить, укрепить Киевскую Русь.

Полотно Рериха воссоздают древний ее лик. Дух прошлой эпохи, проникновение в психологию народную отражены в произведениях художника «Утро богатрства киевского», «Ве-

чер богатейства киевского», «Гонец. Восстал род на род», «Идолы», «Сходятся старцы», «Город строят». Это не просто иллюстрация минувшего, не только историческая живопись, а настоящая историческая летопись, для которой характерны и достоверность, и археологическая точность, и тонкое поэтическое видение.

К теме Киевской Руси Рерих возвращался затем неоднократно, воплощая в красочных эпических образах мудрость, мужество и патриотизм наших предков. Так, в годы Великой Отечественной войны он создает замечательные полотна «Ярослав Мудрый», «Поход Игоря», повторяет картину «Борис и Глеб». Любовь к Отечеству, пронизывающая все живописные и литературные произведения Рериха, нераздельна с глубоким почитанием им всего, что создано, выпестовано сердцами и руками людей.

В своих многочисленных статьях о старине, в ряде публицистических очерков Николай Константинович неумоимо призывал охранять памятники искусства, культурное достояние. Это он выдвинул идею Пакта Мира — действительной защиты духовных и культурных ценностей, по-варшавски уничтожаемых во время войн. А вместе с Пактом предложил отличительный флаг — Знамя Мира, который должен водружаться на подлежащих охране объектах. На белом полотнище — древнейший знак: три красных кружка в середине красной окружности. Символ сей многогранен. Одно из значений его — человеческие культурные достижения прошлого, настоящего и будущего в круге Беспредельности, Вечности... В 1954 году Пакт Рериха лег в основу Международной Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов.

Ратуя за охрану сокровищ общечеловеческих, выраженных в многообразном творчестве, Рерих думал и о непревзойденных памятниках культуры милой его сердцу Украины. Он и сам подарил Украине чистую, возвышенную красоту своих монументальных композиций. Это мозаичные панно Почаевской лавры на Тернопольщине и церкви Покрова Богородицы в селе Пархомовке Володарского района Киевской области.

Монументально-декоративное искусство Рериха поражает величием, красочностью. Думается, корни его — в восхищении молодого художника стенописями киевских храмов. Издадека уже в Пархомовке бросаются в глаза изумительные по красоте мозаики над порталом церкви и над входом в присоединенную к ней часовню. Жизненная сила, вечное творческое могущество Природы, материнское начало воплощены в образе Богородицы, раскинувшей свой покров над городом для защиты от врагов. Скорбный пронизывающий взгляд Нерукотворного Спаса преисполнен человеческой боли. Под разнообразными прикрытиями человеческая мудрость слагает все тот же единый облик Красоты, Самоотвержения и Терпения...

Этот облик виделся Рериху и в стенописях М. А. Врубеля, которыми он так восхищался при посещении Кирилловской церкви в Киеве. Надо сказать, что обоих художников связывала дружба. Общение с Врубелем, писал впоследствии Николай Константинович, особенно сохранилось в его памяти, и он называл это общение даже каким-то особенным...

Крепкая дружба связывала Рериха с его учителем живописи — А. И. Куинджи. Николай Константинович был буквально восхищен поэтичностью картины «Лунная ночь на Днепре», многими другими полотнами Куинджи, посвященными Украине, он был восторженно покорен столь тонко переданной в них любовью к этому краю. И одним из самых важных его шагов в жизни стало поступление на учебу в мастерскую Архипа Ивановича. Да и после окончания Академии художеств Николай Константинович тесно общался с Куинджи. В свою очередь Архип Иванович часто посещал мастерскую Н. К. Рериха, бывал у него дома. Такие встречи, беседы, творческие дискуссии Николай Константинович образно называл «кузницей мыслей» и с любовью писал о своем педагоге, отмечая: «Мощный Куинджи был не только великим художником, но также был великим Учителем жизни».

Не менее часто на страницах рериховских литературных работ встречается имя Н. В. Гоголя — глубокого знатока украинского национального характера и быта нашего народа. Не случайно в знаменитую центральноазиатскую экспедицию Рерих взял с собой и том проникновенного мыслителя Гоголя, имевшего право сказать в своем Напутствии: «Все вижу и слышу». Николай Константинович отмечал в дневнике: «С дальних пор этот спутник близок, «потому идем и видим и слышим». А в годы смертельной схватки наших народов с фашизмом писал: «...любите Родину! Скажем словами великого Гоголя. Они были произнесены ровно сто лет тому назад. Не устарела мысль Гоголя. Не устарел его полнозвучный язык...»

Почему так высоко ценил Рерих истинных деятелей культуры? Потому что они, как и он сам, верно служили Свету, несли его людям. Значение самого слова «культура» Николай Константинович выводил из латинского «культ» — «почитание, служение», и санскритского «ур» — «свет». И напоминая, что время создания культуры духа приблизилось, утверждал: «Культура есть прежде всего человеческое делание во имя осознанного Добра, Света, Блага. Культура есть сотрудничество всех людей». Статью свою под названием «Культура» Рерих завершил словами: «Отрешаясь от эгоизма, если будем не только сами стремиться по пути Прекрасного, но и будем всемерно открывать его близким, мы уже будем выполнять ближайшую задачу осветления Культуры — восхождения духа».

Да, мыслитель видел Прекрасное и во взлетах человеческого духа, и в высоком искусстве, и в единении людей, и в любви к Родине, и в бережном отношении к земле, к Природе. И никогда не забывал той Красоты, которой одарила его Украина.

О любви Рериха к Украине не раз рассказывала нам названная дочь Николая Константиновича и Елены Ивановны — Ираида Михайловна Богданова-Рерих, руководящая ныне Московской мемориальной квартирой-музеем старшего их сына, — Юрия Николаевича, известного востоковеда. Она вспоминала, что в Гималаях, где Рерихи прожили столько лет, Николай Константинович нередко рассказывал об Украине, ее истории и культуре, о ее трудолюбивых, сметливых, добрых людях. И часто вечерами в далекой Индии звучали вдохновенные слова украинской классики. В последний год своей жизни Рерих оставил следующую запись в дневнике:

«Вот и теперь в Гималаях, когда радио дает «Запорожца за Дунаем», яркой, красивой чередой проходят картины Украины. Встают образы Шевченко и Гоголя. И дружба, сердечное дружество сплетается с созвучиями Украины...

Украине — любовь и привет».

Служение Свету было главным делом жизни Николая Константиновича, всей замечательной семьи Рерихов. Это они восприняли и донесли до нас от гималайских мудрецов Махатм (Махатма на санскрите — великая душа) Живую Этику — духовно-нравственное учение об эволюции человечества, овладении тончайшими энергиями, о самосовершенствовании и духовном возрождении, улучшении всего сущего, о космическом предназначении человека и его непосредственной ответственности за все происходящее вокруг.

Виктор СКУМИН,
профессор

Харьковского института культуры.

Ольга АУНОВСКАЯ,
журналист

ПЕРВЫЕ ОТКЛИКИ НА ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ В РИ- СУНКАХ ПУШКИНА

О восстании декабристов Пушкин сначала узнал по слухам — от приехавшего из Петербурга повара его тригорской соседки П. А. Осиповой. В начале января пришли в село Михайловское газеты с именами «зачинщи-

ков» событий — К. Рылеева, Е. Оболенского, братьев Бестужевых, С. Трубецкого, И. Пушкина, В. Кюхельбекера. На эти известия Пушкин тотчас откликнулся зарисовками в черновых строфах пятой главы «Евгения Онегина» (ПД № 835, л. 80 об. и 81 об.). Начало пятой главы помечено 4 января 1826 года, рисунки обрамляют строфы V—VI и IX—X, то есть сделаны они 5—7 января, и, значит, «мгла крещенских вечеров», гаданья, приметы, предчувствия, — все то, что происходит в этих строфах, — реальный фон зарисовок. Именно это и происходит сейчас вокруг Пушкина, с Пушкиным, именно он, именно сейчас, всматривается в будущее, и не ожидая ничего хорошего, все-таки колеблется — от минутных надежд («И все равно: надежда им Лжет детским лепетом своим») до «предчувствий горестных» («Но сулит утраты Сей песни жалостный напев»).

И тотчас после слов об «утратах», в непосредственной связи с ними, возникает ряд мужских профилей (л. 81 об.). Все они, кроме самого верхнего, определены исследователями. Это — Пушин, Дельвиг, Кюхельбекер, Рылеев, — самые близкие Пушкину лица из тех, кого назвала «пресса». Имя Дельвига газеты не называли, но, видимо, у Пушкина были основания для опасений.

Графическая «сюита» на предыдущем листе (л. 80 об.) возникла на волне ассоциаций здесь же пишущихся стихов:

Когда случалось где-нибудь
Ей встретить черного монаха
Иль быстрый заяц меж полей
Перебегал дорогу ей,
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.

Образы зайца и черного монаха явились здесь вследствие воспоминаний о несостоявшейся поездке поэта в Петербург по вызову Ивана Пушина: он уж и выехал, но ему перебегал дорогу заяц, да еще попалось навстречу

